

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ КОМПОНЕНТЫ ОБРАЗА НЕТРАДИЦИОННЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ТЕКСТАХ СМИ: МЕТОДИКА ИЗУЧЕНИЯ И ЭМПИРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Нетрадиционная религиозность в нашей стране, на первый взгляд, практически отсутствует. Такое умозаключение можно сделать, сравнивая ситуацию с громкими скандалами в прессе девяностых годов и современным информационным «затишьем». Однако деятельность таковых организаций не прекращается, хотя их активность более сместилась в сферу религиозных дискуссий с представителями ортодоксальных конфессий.

На сегодняшний день в научной литературе существует ряд работ, посвященных изучению феномена нетрадиционной религиозности. Среди них можно отметить исследования Е. Балагушкина, В. Баранникова, П. Гуревича, И. Кантерова и других. Однако стоит отметить, что в рамках религиозного поля Челябинской области они обнаружены не были, по крайней мере, авторам эти данные не встречались. Вышеуказанные факты обусловили актуальность исследования.

Наш интерес к данной проблематике связан с вопросом выявления тех мифов и контрмифов, которые представлены на страницах современных региональных средств массовой информации. Также нам важно выяснить отношение к ним лидеров ортодоксальных и неортодоксальных конфессий в масштабах Челябинской области.

Реализация данных целей подразумевает ряд задач, среди которых:

- проанализировать региональные СМИ для выявления мифологем;
- узнать мнение представителей религиозных объединений относительно различных аспектов деятельности групп, наиболее часто подвергаемых мифологизации;
- оценить уровень соответствия между официальной позицией религиозных образований и информацией, распространяемой СМИ;
- определить критерии, на основе которых проводится выделение нетрадиционных религий;
- выявить особенности восприятия данной категории доминирующей конфессией и сторонниками этих верований.

Для того, чтобы достичь поставленных целей и задач, мы использовали ряд методических приемов. Первоначальный этап сбора данных производился с помощью метода контент-анализа, основной особенностью которого является определение количествен-

ных характеристик предмета исследования. Соответственно, удобней подвергнуть анализу печатный источник, нежели видеофрагменты (новостные выпуски на многочисленных телевизионных каналах: дублирование времени выхода в эфир выпуска на разных каналах, высокая частотность выпусков и целый ряд других обстоятельств осложняют процедуру объективного анализа).

Далее мы отобрали источники контент-анализа: ими стали материалы газет «Комсомольская правда» (КП) (как самое массовое издание) и «Вечерний Челябинск» (ВЧ) (как массовое областное издание), предоставляющее спектр информации более развлекательного характера, нежели «Челябинский рабочий». Период, который был нами проанализирован — второе полугодие 2005 года.

Категориями контент-анализа стали, во-первых, особенности самой публикации, определяемые на основе следующих критериев: наличие / отсутствие информационного повода, освещение деятельности конкретного объединения или использование собирательного образа, использование терминологии, заимствованной из сектоведения, наличие героя. Во-вторых, подход к освещению работы НРО: структура мотивации, используемые методы, отражение особенностей вероучения как основного предмета деятельности групп. В-третьих, рассмотрение организации через образ ее последователей; для характеристики этой категории окажутся значимыми численный состав объединений, отражение личностных особенностей сторонников движения, а также указание на возможное влияние организаций на поведение «адептов». Одной из центральных категорий анализа является представление НРО как элемента социальной системы, определяемой на основе критериев взаимоотношений с государственными органами и иными религиями, а также степени отрицательного или гармонизирующего воздействия на социум. Под негативным воздействием мы будем понимать: распад семьи в результате присоединения одного из ее членов к нетрадиционной группе, совершение насильственных действий в связи с ритуальной практикой или в интересах организации, нанесение вреда психическому или физическому здоровью последователей. За единицу счета мы принимаем публикацию, в которой содержится упоминание нетрадиционных религиозных групп.

В Челябинском издании за исследуемый период вышло всего восемь публикаций по данной тематике. Это количество не является существенным, поэтому основную часть выводов мы делаем, опираясь на материалы КП, однако сравнение данных по этим двум изданиям позволяет выявить региональную специфику в подходе к нетрадиционной религиозности.

Остановимся на степени актуальности этой проблемы и определим ее место в нынешней повестке дня. За полугодичный период в КП появилась 31 публикация, в той или иной степени посвященная деятельности культов. Ежемесячно в газете появляется от двух (в июле) до девяти (в августе) материалов, посвященных данному феномену. Согласно данным различных исследований, количество приверженцев нетрадиционных движений не может превысить пяти процентов, тем более значимым становится тот факт, что статьи по этой тематике опубликованы более чем в двадцати процентах номеров. Показательно также, что лишь 9 публикаций имеют в своей основе информационный повод, только в двух случаях в качестве предпосылки для выхода материала выступают обращения читателей в редакцию. В остальных случаях мы сталкиваемся с «искусственным» интересом к теме, причем именно эти статьи отличаются ярко выраженным оценочным характером в освещении проблемы, именно они становятся пространством возникновения и функционирования мифологизированного образа религиозных групп.

В структуре образа некультов, формируемого СМИ, можно условно выделить три основных компонента: восприятие нетрадиционной религиозности как специфического вида деятельности; образ последователей движений; представление о НРО как элементе социальной системы. Рассмотрим каждый из этих элементов.

Деятельность религиозных движений в рамках материалов КП получает достаточно одностороннее освещение, отмечаются только наименее привлекательные ее стороны. В качестве мотивов создания и активного распространения нетрадиционных учений теоретически могут выступать как поиски божественной истины, так и желание спасти мир, поделиться с ним «благой вестью». Именно это декларируется самими организациями. Однако в материалах СМИ мотивация деятельности культов имеет гораздо более примитивную структуру: единственной причиной, побуждающей данные объединения к активным действиям для привлечения новых сторонников, является корыстный умысел, желание руководства обогатиться за счет своих последователей. Эту мысль мы находим почти в тридцати процентах публикаций. Данный мотив определяет и методы, используемые религиозными группами. В качестве основных выделяются психологические манипуляции и обман. Таким образом, деятельность нетрадиционных движений представляется как специфический вид мо-

шенничества (данная характеристика в отношении НРО употребляется в 19 % материалов). «Сектанты ничем не отличаются от обычных лохотронщиков... Просто одни «сажают на крючок», суля сказочные выигрыши в лотерею, а другие обещают ни много ни мало — Царство Небесное». («Как из нас выкачивают деньги сектанты», КП, 21 августа 2005). Согласно позиции СМИ, новые «Мессии» умело эксплуатируют угнетенное состояние человека, наживаясь на тех, кто «от горя и безысходности готов обратиться к самому одиозному в стране сектанту». Основу деятельности объединений составляет определенная религиозная концепция. Однако для журналистов она, как правило, не представляет интереса: упоминание отдельных положений доктрин мы можем найти в 5 публикациях КП, при этом ни одна из них не дает целостного представления об учении, зато нередко отмечается его необоснованность и надуманность. Таким образом, из деятельности движений и их оценки исключается религиозный компонент. В результате формируется представление о культурах как о коммерческих предприятиях по превращению веры в деньги, руководители же этих предприятий начисто лишены каких-либо моральных принципов, они используют «наивных» последователей в собственных интересах.

Важнейшим компонентом образа любой организации является мнение о ее членах, на основе которого и формируется желание стать одним из них. Последователей религиозных групп, представленных на страницах СМИ, можно разделить на две группы: рядовые сторонники и миссионеры. Сторонники объединений крайне редко становятся центральными персонажами публикаций, только три материала основаны на истории конкретного человека. Как правило, героями таких публикаций являются его родственники. В этих случаях мы сталкиваемся с феноменом дегероизации. Если обычный миф строится на стремлении читателя идентифицировать себя с героем, стать таким как он, то здесь имеет место обратная тенденция: приобщение потребителя информации к определенной модели поведения, которая позволит ему избежать той ситуации, в которой оказался герой. Сюжет строится на основе перехода героя из состояния гиперреальности в гипо. Это своеобразный «миф наоборот» или контрмиф к распространяемым самими организациями. Неотъемлемой частью таких историй является указание на постепенные изменения в поведении неопитов в сторону замкнутости, неадекватной умиротворенности, периодически появляющегося бреда (встречается во всех вышеуказанных публикациях), причем данные изменения происходят не в результате «духовного просветления», а под воздействием «новых друзей», которые старательно доводят «пострадавшего» до сумасшествия, руководствуясь указанными выше мотивами. Итогом подобных сдвигов в поведении становится превращение последователей движений

в религиозных фанатиков, не способных к критическому восприятию действительности, готовых прибегнуть к любым ухищрениям и претерпеть всяческие лишения ради благополучия собственной организации. В концентрированном виде эти качества присутствуют в характеристиках миссионеров культов, которые чаще всего называются вербовщиками. Их деятельность является одной из «любимых» тем, она получает освещение более чем в двадцати процентах публикаций. Деятельность по распространению вероучения традиционными конфессиями и новыми движениями практически идентична. Тем не менее на страницах издания «вербовщики» предстают как тонкие психологи, умеющие найти подход к любому человеку, от «их просьб практически невозможно отказаться». Миссионеры религиозных организаций — это ласковые и доброжелательные до приторности люди, с лиц которых никогда не сходят улыбки. Их всегда волнуют те же проблемы, что и «объект воздействия», с ними случаются те же самые несчастья, их единственное отличие от «простых смертных» в том, что они уже нашли способ решения всех трудностей и сейчас готовы поделиться им со всеми желающими и нежелающими тоже. Основным оружием в их руках становится распространяемая литература, ознакомившись с которой человек тут же превращается в религиозного фанатика (упоминание об этих «загадочных» брошюрах можно найти в 22 % статей, однако ни в одной из них не раскрывается содержание этих изданий). По силе воздействия и по структуре миф «о вербовщиках» сходен с мифом «о цыганках», гипнотизирующих своих жертв. Возможности влияния миссионеров на потенциальных сторонников на страницах издания предстают поистине «чудесными», в результате, у читателей актуализируется эмоция страха, на основании которой и происходит принятие предлагаемой модели поведения по отношению к миссионерам: ни в коем случае не останавливаться и не разговаривать с ними, если же разговора не удалось избежать, то стараться их не слушать, и ни при каких обстоятельствах не брать литературу. Несмотря на активную и самоотверженную работу, число сторонников культов остается мизерным, что, согласно мнению журналистов, делает их претензии на общественное признание необоснованными.

В качестве элемента социальной системы нетрадиционные организации рассматриваются во взаимосвязи с другими ее институтами, прежде всего, с органами власти и другими религиями. Отношения государства и религиозных объединений освещаются примерно в трети публикаций. По аналогии с политикой все религиозные организации во взаимосвязи с действующей властью можно условно разделить на три группы: провластные структуры (прежде всего, православие), легальная оппозиция и нелегалы. В соответствии с этим делением происходит и дифференциация проводимой в отношении них политики:

традиционные конфессии получают государственную поддержку и имеют особое положение (об этом говорится в 2 материалах, посвященных деятельности НРО), деструктивные образования подвергаются гонениям, органы правопорядка старательно защищают граждан от их «преступных» посягательств. В рамках данной темы активно эксплуатируется мысль о том, что каждый получает по заслугам. Некоторые нетрадиционные организации также находятся в достаточно хороших «отношениях» с властью, однако эти отношения бывают двух видов: явные и теневые. К официально признанным принадлежат баптисты, пятидесятники, адвентисты, духоборы. Подробнее на этих публикациях мы остановимся позднее, сейчас же отметим только то, что данные материалы имеют лишь косвенное отношение к сфере религии, как правило, они посвящены событиям политической жизни (за исключением статьи об общине духоборов), примечательно, что в них отсутствует упоминание православия. Намеки на связь с аппаратом управления присутствуют практически во всех статьях, касающихся объединения Григория Грабового, делается вывод о том, что именно эти «особые» взаимоотношения с сильными мира сего позволяли ему столь долгое время безнаказанно заниматься откровенным мошенничеством. Данные материалы не вносят существенных характеристик в образ нетрадиционных объединений, они скорее служат целям дискредитации власти посредством указания на ее коррумпированность.

В рамках «антисектантской» литературы, выпускаемой доминирующими конфессиями, НРО часто обвиняются в нетерпимости по отношению к другим вероучениям. В СМИ эта мысль не слишком популярна: она встречается только в двух материалах. При этом указывается на то, что антитолерантное отношение к своим коллегам присуще всем религиозным объединениям независимо от степени их новизны и численности. В совокупности с материалами, в которых крупные конфессии и внеконфессиональные образования упоминаются в одном ряду и между ними не проводится различия (40 % от всех материалов, в которых упоминаются традиционные конфессии), они существенно подрывают статус вековых религий. Во многом это обусловлено тенденцией снижения общего уровня влияния религиозных идей на социум. Тем не менее, проявление подобной позиции не имеет всеобщего характера: в большей части материалов авторитет традиционных конфессий не подвергается ни малейшему сомнению.

Как элемент социальной системы новые религиозные движения имеют определенные функции, с точки зрения их воздействия на устойчивость, существование и развитие системы их можно разделить на эуфункции, способствующие стабилизации и укреплению социальных связей, и дисфункции, направленные на дезинтеграцию и разрушение. В трех публикациях КП мы находим указание на положитель-

ное влияние некоторых НРО на общество (в региональной прессе подобные материалы отсутствуют, в течение исследованного периода в ВЧ не появилось ни одной статьи, не содержащей негативной оценки данного явления), причем названия этих объединений обязательно содержатся в материале, они составляют группу организаций, официально признанных властью. В рамках этих публикаций отмечаются и положительные личностные качества сторонников, например, трудолюбие, «несокрушимая мораль», активная общественная позиция. Показателен, в частности, тот факт, что представители пятидесятников вошли в состав *Общественной палаты. Активная благотворительная деятельность этих организаций, их участие* в различных социальных проектах позволили сформировать представление о них не только как о не опасных для общества, но и оказывающих на него положительное воздействие. Например, адвентисты и евангелисты были приглашены в День народного единства в Кремль на своеобразный «Бал добрых людей». СМИ перестают быть простыми трансляторами мнения РПЦ относительно новых движений, стремятся предоставлять информацию и из альтернативных источников. Таким образом, в отношении нетрадиционных религий начинает проявляться дифференцированный подход на основании как конкретных действия этих организаций, так и их взаимоотношений со структурами власти. Однако образ даже выше обозначенных организаций не является однозначно положительным, поскольку в других материалах отмечается их отрицательное воздействие как на общество в целом, так и на отдельную личность.

Подавляющее большинство публикаций содержит указание на тот или иной вид негативного влияния неокультов, их опасности для общества. Однако, в чем именно состоит их опасность, зачастую не указывается (3 материала). По нашему мнению, такие публикации направлены на то, чтобы «оживлять» в массовом сознании мифы, которые были внедрены в период активной борьбы с новыми учениями. Они опираются на введенный в середине девяностых годов термин «тоталитарная секта» (встречается более чем в половине статей подобной направленности), который сам по себе является механизмом активизации заложенных ранее негативных представлений.

Ритуальные убийства и нанесение телесного вреда ни в чем не повинным людям также достаточно частое обвинение, звучащее в адрес «сект» (3 статьи). Как правило, оно связано с группами сатанинской направленности; антигуманность этих объединений и их обрядовой практики неоспорима, а потому эта характеристика не может быть распространена на все остальные объединения. Однако стоит отметить, что тема «ритуальных жертвоприношений» является одной из самых мифологизированных: чуть ли не в каждом убийстве или исчезновении, особенно если это касается детей, журналисты склонны ис-

кать признаки сатанинской церемонии или действий серийного маньяка. Злодеяния приписываются также и недавно созданным, обычно заграничным, организациям, целью которых является борьба с какими-то определенными общественными явлениями, например пластическими хирургами. Как правило, само по себе существование подобных организаций кажется сомнительным. Это отражает общую тенденцию: когда невозможно или нежелательно объяснить проблему какими-то иными причинами, можно рассматривать ее как следствие религиозных убеждений. Причем это относится не только к нетрадиционным учениям.

Особое значение в процессе создания контрмифов о культах имеет тема их разрушительного воздействия на психику последователей. Наиболее частая тема — это «зомбирование» сторонников движений, доведение их до психических расстройств и суицида. «Когда учительница внушила мальчику, что Бог читает все его мысли, он воспринял это буквально. И стал ненавидеть себя, потому, что мысли-то не всегда были хорошими. Иногда их прямо стыдно было показать Богу... Страх перед Богом довел ребенка до нервного срыва... Однажды он заявил домашним: «Я плохой. Я вас недостоин. Мне надо умереть». («Мальчик попал к психиатрам после «уроков добра»», КП, 24 июля 2005). Согласно информации «Комсомолки», сторонники культов склонны к совершению как индивидуальных, так и групповых самоубийств. В качестве повода обычно выступает желание стать частью «Мирового Абсолюта», а также наступление Конца Света. Эти идеи могут быть заложены в доктрину организации. Данная мифологема тесно взаимосвязана с транслируемыми представлениями о методах, используемых «сектами».

Отрицательное влияние внеконфессиональных объединений на социум выражается также в их воздействии на отношения внутри семьи: присоединение к религиозной организации нередко влечет за собой ее разрушение. Особенно отрицательную оценку получает деятельность одного из родителей, который «пытается заташить в секту» детей (4 статьи). В рамках материалов, посвященных этой проблеме, в качестве причины трагедии обычно указывается влияние «новых друзей». Однако в данном случае мы в очередной раз сталкиваемся с мифом, поскольку, как отмечают психологи, присоединение к религиозной группе чаще всего является способом найти взаимопонимание, которого человек был лишен в рамках семьи. Чувствуя себя несчастным и не находя гармонии в отношениях с близкими людьми, человек склонен искать подобные эмоции на стороне. Царящая в Организации атмосфера всеобщей любви и доброжелательности, активно пропагандируемая самими объединениями, становится в данном случае основным мотивом присоединения к ней.

В процессе формирования образа внеконфесси-

ональных течений в СМИ активно используется мифотворчество: применяются как контрмифы, основанные на «перестройке» используемых самими НРО, так и создаются новые структуры отрицательной направленности. Большая часть информации, транслируемой аудитории изданиями, не опирается на конкретные факты, но при этом сомнений в ее истинности не возникает. Основной положительной тенденцией являются попытки произвести объективную оценку феномена нетрадиционной религиозности, развитие дифференцированного подхода к оценке организаций, отход от использования собирательного образа. По сравнению с предыдущими периодами сегодняшние образы религиозных объединений гораздо менее эмоционально насыщены, мифологические построения, как правило, лишены сюжетной линии и личностной ориентации, что существенно снижает эффективность их воздействия.

Проведенный контент-анализ позволил выявить компоненты образа НРО, формируемого СМИ, выделить мифологические конструкции, задействованные в этом процессе. Однако на основе этих данных невозможно определить степень соответствия распространяемых представлений действительности. Для решения этой проблемы следует обратиться к мнению представителей самих религиозных объединений. С этой целью мы провели экспертный опрос.

В качестве экспертов в нашем исследовании выступают официальные представители религиозных организаций, зарегистрированных на территории Челябинской области, уполномоченные давать комментарии от лица организации в СМИ:

— С. А. Борцов, пастор Церкви Христиан веры евангельской «Слово Божье» (Челябинск);

— С. Бочкарев, молодежный пастор Церкви Христиан веры евангельской — пятидесятников «Новая Жизнь»;

— Виталий, помощник пастора Церкви Христиан Адвентистов Седьмого Дня;

— В. Соболев, пастор Церкви евангельских христиан-баптистов «Благовестие»

— И. Шестаков, протоиерей, настоятель Свято-Троицкого храма, руководитель Молодежного Отдела Челябинской Епархии Русской Православной Церкви (Московский Патриархат).

Проанализировав ответы экспертов, можно сделать следующие выводы:

Лидер религиозного объединения, по мнению экспертов, должен обладать следующими качествами: высокая духовность, стремление нести истину и служить людям, человеколюбие, компетентность в вопросах веры, смелость и жертвенность. Лидер воспринимается как Божий избранник. Для верующих он является духовным наставником и примером для подражания. Данные качества отмечают как представители нетрадиционных религий, так и православные. Следовательно, лидерство в религиозных объединениях носит скорее духовный характер. Руководитель группы в равной степени воспринимается как наставник, герой и пророк, данные аспекты образа лидера ориентированы на различные группы последователей, выявляемые на основе наиболее актуальных для них потребностей.

Члены НРО проявляют высокую степень доверия к лидеру, не критичность в отношении его позиции, доверяют его толкованию Слова Божьего. Для них он посредник между Богом и людьми. По отношению к этому человеку, по их мнению, необходимо проявлять особое уважение и почитание, строить собственную жизнь в соответствии с его наставлениями. Осуществляется своеобразная подмена авторитетов: считая, что руководствуются Божьей Волей, члены объединения скорее поступают в соответствии с представлениями об этой «воле» своего руководителя, нормы принятые в группе воспринимаются как установленные Богом.

Представители НРО склонны резко положительно оценивать собственную организацию. У них достаточно сильна внутригрупповая сплоченность. Отношения лидера и группы строятся по модели патриархальной семьи. Однако члены объединений не обладают организационным сознанием, о чем свидетельствует исключение в большинстве случаев «практического» компонента в оценке лидера и функций группы. Связи со всем остальным социумом носят ситуативный характер, взаимодействие с внешним окружением осуществляется лишь с целью распространения собственного вероучения.

У членов религиозных организаций проявляется своеобразный «синдром спасителя». Находясь во власти мифологических представлений о мире, они считают своим долгом проповедовать открывшуюся им истину, демонстрировать людям возможность спасения через Организацию. Это проявляется, в том числе, и в моделях взаимоотношений с «чужаками», придерживающимися других взглядов. Членство в культах, вопреки распространенным представлениям, крайне редко оказывается причиной разрыва отношений с близкими и разрушения семьи, поскольку родственники и друзья воспринимаются, прежде всего, как объект воздействия, потенциальные последователи.

Те же мотивы лежат в основе взаимоотношений с покинувшими группу. Несмотря на внешнее проявление уважения к их позиции, сторонникам объединений абсолютно непонятны мотивы подобного решения, оно воспринимается как ошибочное. «Отступники» вызывают жалость, поэтому нередко осуществляется работа по их «наставлению на путь истинный».

Те же мотивы лежат в основе взаимоотношений с покинувшими группу. Несмотря на внешнее проявление уважения к их позиции, сторонникам объединений абсолютно непонятны мотивы подобного решения, оно воспринимается как ошибочное. «Отступники» вызывают жалость, поэтому нередко осуществляется работа по их «наставлению на путь истинный».

В качестве критерия для отнесения организации к числу нетрадиционных, что подтверждает нашу гипотезу, были выдвинуты время ее существования на территории страны, а также некоторая «экзотичность». Такое деление, по мнению представителей этих течений, является нецелесообразным, оно

приводит к ущемлению прав одних групп по сравнению с другими. Православная Церковь же признает необходимость такой дифференциации, однако предлагает разработать более многомерную систему оценки.

Как мы и предполагали, степень отрицательного воздействия нетрадиционных религий на индивида и общество на страницах СМИ в значительной степени преувеличивается. Тем не менее, большая часть представлений о миссионерах, о том, какие обязанности предписывают организации своим последователям, о нетерпимости в отношении других религий, в целом, совпадают с позицией представителей объединений. Однако, как показывает исследование, подобные мнения характерны не только для нетрадиционных образований, но присущи любой религии, являются частью ее идеологической доктрины. Внеконфессиональные образования пытаются встраиваться в систему традиционных религиозных ценностей, о чем свидетельствует соответствие позиций православных и «новых верующих» по большей части вопросов.

Сторонники НРО воспринимают собственное учение как абсолютную истину, что приводит к проявлению религиозной нетерпимости. Указывая на нецелесообразность опасного для них деления на традиционные/нетрадиционные религий, они тем не менее выделяют собственную организацию среди остальных, признают их возможную псевдорелигиозность. Большая часть предложенных формулировок вызвали согласие экспертов, следовательно, представители НРО являются носителями внедренного мифа, одновременно они выступают его соавторами, распространяя подобные представления среди своих прихожан и транслируя их во внешний мир.

Литература

1. Балагушкин Е.Г. Критика современных нетрадиционных религий: Истоки, сущность, влияние на молодежь Запада. — М.: Изд-во МГУ, 1984. — 286 с.
2. Балагушкин Е.Г. Новые религии как социокультурный и идеологический феномен // *Общественные науки и современность* — 1996. — №5 — С. 90 — 100.
3. Баранников В.П., Матронева Л.Ф. Динамика религиозности в информационном обществе // *Социологические исследования* — 2004. — №9. — С. 102—107.
4. Верховский А.М. Политическая ксенофобия: Радикальные группы. Представления лидеров. Роль церкви. — М.: Изд-во ООО «Панорама», 1999. — 191 с.
5. Волков Е. Н. Преступный вызов практической психологии: феномен деструктивных культов и контроля сознания (введение в проблему) // *Журнал практического психолога*. — М.: Фолиум, 1996. — №2. — С. 87—93.
6. Волков Е. Н. Методы вербовки и контроля сознания в деструктивных культах // *Журнал практического психолога*. — М.: Фолиум, 1996. — №3. — С. 76—82.
7. Гуревич П. С. Социологический анализ нетрадиционной религиозности // *США глазами американских социологов. Политика, идеология, массовое сознание. Кн. 2 / Отв.ред. В. Н. Иванов, Ю. Н. Давыдов*. — М.: Наука, 1988.
8. Жеребятьев М. А. Российское общество и СМИ: формирование образа религии // <http://www.rinfo.ru/projects/suzdal/zherebjatjev.html>; Кантеров И. Я. «Деструктивные», «тоталитарные»... и далее везде // *Религия и право*. — 2002. — №1. — С. 26—35.
9. Кантеров И. Я. Как нужно классифицировать религиозные организации // http://www.gazetaprotestant.ru/index.php/review_smi/350
10. Кривельская Н. В. Религиозная экспансия против России. — М.: СТ, 1998. — 152 с.
11. Кулаков П. А. Учащаяся молодежь и религия // *Социологические исследования* — 1995. — №11. — С. 91—99.
12. Мчедлов М.П. О религиозности российской молодежи // *Социологические исследования* — 1998. — №6. — С. 107—111.
13. Религия и общество: хрестоматия по социологии религии: Учеб. пособие для вузов / Сост.: В. И. Гараджа, Е. Д. Руткевич. — М.: Аспект-Пресс, 1996. — (Открытая книга — открытое сознание — открытое общество). — 774 с.
14. Синелина Ю. Ю. О критериях определения религиозности населения // *Социологические исследования* — 2001. — №7. — С. 89 — 96.
15. Старые церкви, новые верующие: религия в массовом сознании постсоветской России / Под ред. проф. К. Каарияйна и проф. Д. Е. Фурмана. — СПб.: Изд-во «Летний сад», 2000. — 248 с.
16. Стецкевич М. С. Мифы о «тоталитарных сектах» и «ваххабитах» в современной России: попытка анализа // *Смыслы мифа: мифология в истории и культуре. Сборник в честь 90-летия проф. М. И. Шахновича. Серия «Мыслитель»*. Выпуск №8 — СПб.: Издательство Санкт-Петербургского философского общества, 2001. — С. 292—295.
17. Фесенко В. В., Семеняк Е. В. PR сект и современный антисектантский PR // http://www.pr-club.com/PR_Lib/PRsect.doc